

В статье рассмотрены две парадигмы взаимоотношений центр – периферия в многоукладных и многоэтничных системах. На исторических примерах показаны особенности колониальной парадигмы, основанной на подавлении периферической культуры и вытеснении ее культурой центра (метрополии). Епархиальная парадигма основана на взаимном проникновении и обогащении культур центра и провинций. В течение последних десятилетий XX века происходили процессы замещения епархиального принципа на «культурную колонизацию» в глобальном масштабе. В результате культура «глобального Запада» претерпевает деградацию до предельно упрощенных форм, что особенно болезненно сказывается в сфере образования.

Ключевые слова: социальная психология; история; культура; империализм; метрополия; колония; провинция; архитектура.

The article considers two paradigms of the center-periphery interaction in the mixed and multiethnic systems. The historical examples show the peculiarities of the colonial paradigm where the peripheral culture is suppressed and displaced by the culture of the center (metropolis). The eparchial paradigm is based on cross-cultural interaction and enrichment between the center and the provinces. Within the final decades of the 20th century, the eparchial principle was replaced by the “cultural colonization” on the global scale. As a result, the “global West” culture is degrading to its lowest terms, which has a negative impact on the sphere of education. Keywords: social psychology; history; culture; imperialism; metropolis; colony; province; architecture.

Провинция VS Колония. Две парадигмы культурного взаимодействия / Province vs Colony: Two paradigms of cultural interaction

ТЕКСТ

Константин Лидин
Ольга Белобрыкина /
text
Konstantin Lidin
Olga Belobrykina

Введение

В апреле 1719 года из печати вышел роман под названием, вполне типичным для того времени: «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим».

Роман был с энтузиазмом встречен читающей публикой, так что уже в августе того же года вышло продолжение – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», а еще через год – третья часть «Серьезные размышления Робинзона Крузо». Судьба трех книг сложилась очень по-разному. Первая часть вошла в классический фонд книг для детей и юношества, получила множество переводов и переизданий, подражаний, экранизаций и прочих свидетельств глобальной популярности. Вторая часть известна гораздо меньше, а третья, состоящая из нравоучительных рассуждений, на современный вкус выглядит очень скучной и может вызывать разве что исторический интерес.

Вторая книга походов знаменитого отшельника в основном состоит из рассказов о столкновениях автора с разнообразными «дикарями», жителями южных островов Атлантического и Тихого океанов. Все эти люди – кровожадные, тупые и подлые звери, всегда готовые к убийствам и предательствам по отношению как к белому человеку, так и к своим соплеменникам. Впрочем, среди белых людей автор также встречает немало злобных и бессмысленно жестоких персонажей. В одной из стычек гибнет верный Пятница, а самого Робинзона судьба выбрасывает на китайский берег, откуда он движется на запад уже по суше [1].

Робинзон прибывает к торговому каравану и совершает длинное путешествие от берегов Тихого океана через Сибирь и северные российские земли, чтобы из Архангельска отплыть в родную Англию. К удивлению путешественника, далеко не все подданные московского царя оказались просвещенными христианами (царь не упоминается по имени, но это эпоха Петра Первого, к тому

моменту уже императора Всероссийского). Огромное количество сибиряков – самые омерзительные язычники и поклоняются они солнцу, луне и гнусным деревянным идолам. В деревне возле Нерчинска англичанин вблизи увидел такого идола по имени Чам-Чи-Тонгу – «<...> ужаснейшее, какое только можно себе представить, изображение дьявола. Голова не имела даже и отдаленного сходства с головой какой-нибудь земной твари; уши огромные, как козьи рога, и такие же высокие; глаза величиной чуть не в яблоко; нос словно кривой бараний рог; рот растянутый четырехугольный, будто у льва, с отвратительными зубами, крючковатыми, как нижняя часть клюва попугая. Одет он был в овчину, шерстью наружу, на голове огромная татарская шапка, сквозь которую торчали два рога. Ростом идол был футов в восемь, но у него не было ни ног, ни бедер и никакой пропорциональности в частях» [1, с. 188]. Праведный гнев охватывает мистера Крузо с такой силой, что он выхватывает саблю и одним ударом разрубает на идоле шапку. Ночью же он готовит горючую смесь из пороха, смолы и водки, а затем сжигает поганое идолище на глазах у его жрецов, крепко связанных.

На следующий день англичанин вынужден поспешно бежать, а с ним и весь торговый караван, потому что оскорбленные татары жаждут мести. Преследование продолжается еще много дней, и нелепая выходка Робинзона перестает быть угрозой для торговцев только в районе Удинска (возможно, имеется в виду Улан-Удэ), после пересечения «ужасной тунгусской пустыни». Странствия среди дикарей продолжают, и лишь достигнув Тобольска Робинзон встречает людей, вполне достойных звания цивилизованных – ссыльных русских аристократов (князя Голицына и старого воеводу Робостского).

При всей сомнительности историко-этнографических сведений книга Дефо очень отчетливо показывает разницу между колонизаторским пафосом британца и той политикой, на которой строятся отношения российской имперской администрации с аборигенами Сибири.

1. Колонии и провинции

Считается, что слово «колония» латинского происхождения, хотя колонии активно создавали еще древние греки

> Рис. 1. Барельеф Зала приемов во дворце Ападана, Персеполис. Вереница послов из 27 государств империи Дария Первого несут свои подарки царю царей (IV в. до н. э.). Все фигуры, включая изображение царя, одинакового размера

v Рис. 2. Татарский идол Чам-Чи-Тонгу. Иллюстрация Жана Гранвиля к французскому изданию «Приключений Робинзона Крузо», 1860 г. Через полтора столетия после выхода в свет книги представления европейцев о культуре сибиряков остаются несколько неточными

архаического периода, задолго до возвышения Рима. Греческое законодательство Ликурга и Солона запрещало раздел земельных участков между наследниками. Отцовский надел доставался старшему сыну, а все остальные оставались безземельными и могли отправиться на поиски места для новых поселений. И отправлялись, благо пустой земли вокруг было достаточно.

На новом месте строили поселения, используя привычные приемы, технологии и образцы, принесенные из материнского города. Иногда колония вырастала настолько, что сама становилась источником колониационного движения: так, Милет был основан ионийскими переселенцами в XI веке до н. э., а через пятьсот лет сам стал «матерью» для 80–90 колоний [2]. При этом никакой интерференции культур не возникало, потому что колонии строились именно на пустующих землях, в культурном вакууме.

В тех же случаях, когда колонизуемые земли оказывались уже заселены, местная культура искоренялась как можно основательнее (зачастую вместе с ее носителями), чтобы искусственно создать вакуум для заполнения его культурой завоевателей. Геноцид и полное истребление одних народов другими в те времена были обычными элементами международных отношений; подобными сюжетами изобилуют, например, некоторые книги Ветхого завета или клинописные документы, восхваляющие военные подвиги шумеро-аккадских царей Месопотамии.

К середине первого тысячелетия до нашей эры нравы, по-видимому, несколько смягчились. Персидская империя Ахеменидов была построена по иному принципу: персы не пытались уничтожать автохтонное население, чтобы самим заселить опустошенные земли. Захватив очередное государство, «царь царей» облагал его данью серебром, золотом или (как арабскую Иорданию) сухой травой тимьяна ползучего. В каждое такое государство назначался полномочный представитель (сатрап), но местная элита оставалась у власти, и местная культура продолжала жить и развиваться. Сатрапии, таким образом, были не колониями, а провинциями империи персов. Да и отношение к геноциду сильно переменялось: из обычной и доблестной практики он стал восприни-

< Рис. 3. Имперская политика СССР последовательно придерживалась епархиальной парадигмы, как и политика Российской империи до 1917 г.

Разворот из книги: Агницев Н., Бонч-Осмоловская О. Г. Разноцветные ребята.

Ленинград-Москва : Радуга, 1928. 10 с. Все национальности изображены одинаково доброжелательно и уважительно

маться как мера нежелательная, расточительная по отношению к человеческому ресурсу и даже преступная.

Латинское слово «провинция» (provincia) буквально означает «под управлением» – это территориальная и/или этническая единица в составе государства, обладающая частичной автономией. В греческом языке такому образованию соответствует слово «епархия» (ἐπαρχικός). Александр Македонский, переняв епархиальный принцип у побежденных персов, триумфально пронес его от Египта до Индии, положив начало эллинистическому периоду евразийской истории. Монархии диадохов продемонстрировали блестящие примеры слияния и перемешивания местных культурных традиций с привнесенным греко-македонским влиянием. Влияние было двусторонним и происходило на разных уровнях, от принципов государственного устройства до подробностей интерьер-дизайна – так, победители-греки быстро освоили персидский обычай устраивать в жилых домах внутренние сады с колоннадой (перистиль); обычай прижился, и после завоевания Греции Римом перешел и к римлянам (виридарииум) [3].

Западная, а позже – Восточная Римские империи продолжали следовать «парадигме провинций». Метрополия (Рим, а затем Константинополь) не требовали от народов империи отказа от их традиционных богов и узладов жизни. Достаточно было платить налоги и воздержаться от убийства солдат из имперских гарнизонов, а метрополия за это делилась передовыми технологиями строительства, обеспечивала безопасность от внешних и внутренних врагов и поддерживала общую инфраструктуру – транспортную, финансовую, торгово-логистическую.

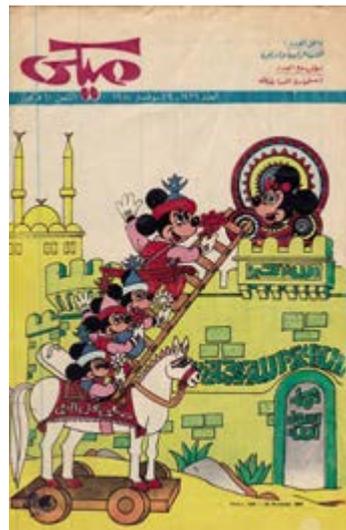
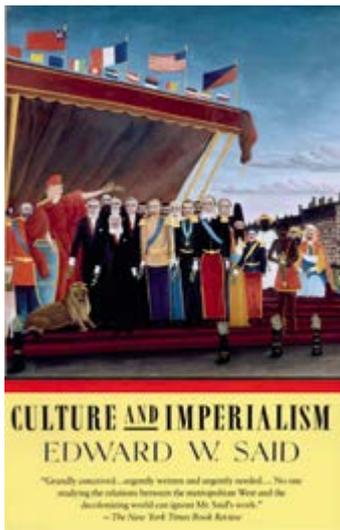
На «парадигме провинций» строились многие империи средневековья – и Византийская, и Франкская империя Шарлеманя, и Священная Римская (Оттоновская), и империя Чингизидов, и сменяющие друг друга китайские империи. На тех же принципах были организованы империи времен Ренессанса и Просвещения – Османская, Наполеоновская, Австро-Венгерская, Российская. Во всех этих полиэтничных государствах культуры входящих народов не искоренялись, напротив, зачастую представители национальных меньшинств имели заметные привилегии

по сравнению с метрополией. Например, в Российской империи жители национальных провинций не подлежали крепостному праву. Крепостными крестьянами были только представители «титულიной нации» [4].

Епархиальная парадигма оказалась гораздо эффективнее для решения задач строительства и расширения империй. История присоединения Сибири и Дальнего Востока к Российской империи весьма напоминает стремительное движение македонских греков. Меньше века понадобилось, чтобы огромные сибирские просторы, населенные десятками племен и народностей, вошли в число российских провинций. Как отмечает Конрад Хаусхофер, причина коренится именно в епархиальном, не колонизационном подходе. «Почему русским удалось в баснословно короткое время пройти вдоль северной анэйкумены через Сибирь и достичь Тихого океана, создать громадное имперское образование, которое проникло в американское пространство вплоть до бухты Сан-Франциско и лишь под сильным нажимом англосаксов, а позже китайцев и японцев, вынуждено было отступить назад? Решающим был все же тот факт, что продвигавшийся в Северную Америку русский не считал эти пространства незаселенными <...>» [5, с. 46].

Сохранилась инструкция, которую царь Борис Годунов выдал воеводе кн. Петру Горчакову в 1592 г. о походе на Пелымское княжество (Югра), к которому дважды безуспешно подступал Ермак. В «наказе» подробно предписано, как следует договариваться с аборигенами-вотьяками (современное самоназвание «манси»), какие суммы хлебом и деньгами выделяются для найма отряда проводников, как следует изолировать хана от его воинов и по возможности убить, а младшего сына – взять в отряд и воспитать в русскоязычной среде. Наказ, разумеется, не лишен коварства и двуличия, но их уровень отнюдь не превышает то, что мы наблюдаем и сегодня, в современной нам политике. Никаких признаков политики «зачистки» территории от аборигенов или их порабощения в документе нет [6].

Но «парадигма колоний» отнюдь не умерла, и в соответствующей исторической обстановке возродилась со всей своей безжалостной силой.

< Рис. 4. Обложка книги Эдварда Саида «Культура и империализм». Изд. 1995 г. В оформлении использован фрагмент картины Анри Руссо «Представители иностранных держав собираются приветствовать Республику в знак мира», 1907 г.

< Рис. 5. Епархиальный период культурного империализма характерен переплетением и перемешиванием культур метрополии и провинций. Обложка журнала комиксов про Микки Мауса, изданного в Египте в 1952 г. На картинке Микки, Минни и их родственники отмечают празднование Мавлида (День рождения Пророка Мухаммеда или исламское Рождество). На рисунке изображен Микки, взбирающийся по лестнице к Минни перед мечетью, с множеством символов Мавлида. Круги вокруг Минни – отсылка к традиционному лакомству Аруста-эль-Мавлиду, другие мыши одеты в типичные праздничные костюмы (включая шляпу). На здании надпись: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его», а на лошади (еще один основной символ Мавлида) написано «Благослови Пророка»

2. Культурный империализм и культурная колонизация

На протяжении двадцатого века империи достигают особенно впечатляющих размеров и могущества: Российская империя занимает большую половину Евразийского материка, над британской никогда не заходит солнце, японская образует «сферу сопроцветания», в которую входит значительная часть Юго-Восточной Азии с общим населением более 400 миллионов человек. Империи растут и сливаются, пока не остается всего две, поделившие между собой почти весь мир. Обе организованы по епархиальному принципу (а иначе они вряд ли смогли бы стать супердержавами), и обе строятся на принципиально новом основании – не военное или политическое доминирование лежит в основе их могущества (хотя война и политика продолжают играть существенную роль). Империи второй половины XX века базируются на основании, которое современные исследователи (вслед за Эдвардом Саидом) обозначают терминами «культурная колонизация», «культурная экспансия», «культурное доминирование» и «культурный империализм» [7]. Согласно этой концепции, Центр (метрополия) доминирует за счет того, что транслирует свои культурные конструкции в культурное пространство провинций.

Трансляция реализуется главным образом двумя путями: через систему образования и через массовую культуру.

Доминирование метрополии через массовую культуру происходит за счет огромного потока популярной музыки, кинофильмов, книг (особенно для детей и подростков) – так, чтобы подрастающее поколение уже в раннем возрасте усвоило мысль о безусловном преобладании культуры Центра над любой периферической культурой. Музыка, кино и книги периферийных авторов могут быть хороши и интересны ровно настолько, насколько они следуют образцам культуры Центра.

«Необработанные мозги» перетекают из Периферии в Центр, чтобы получить там образование и, став уже «обработанными», понести культуру Центра обратно и дальше, в еще неосвоенные периферические земли и народы, и, тем самым, укрепить глобальное доминирование Центра. Получив образование в университетах

метрополии, молодые интеллектуалы из элитных семей становятся министрами, президентами банков и профессорами в странах «второго» и «третьего» мира.

В первые десятилетия существования bipolarного мира епархиальный принцип сохраняется в обеих мировых системах. Культурный империализм выглядит как огромная победа гуманизма. У людей еще очень свежи в памяти примеры колонизации, восходящей к древнейшим временам, но происходившей у них на глазах. Вот только несколько примеров, наиболее масштабных:

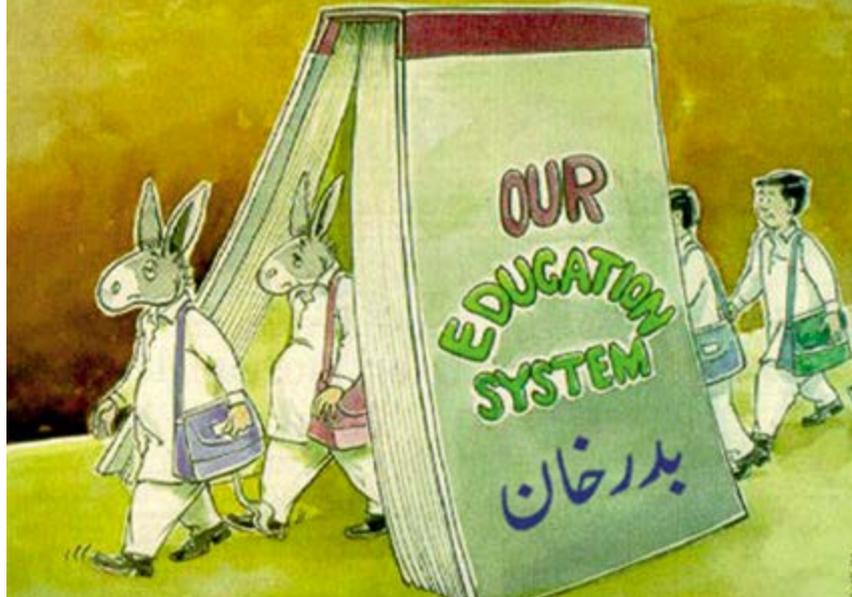
- зачистка восточно-европейских земель от славянских народов в рамках подготовки к их колонизации германской нацией по генеральному плану «Ost» в 1939–1944 годах повлекла около двадцати миллионов жертв среди мирного населения;
- голод в Бенгалии, спровоцированный британской администрацией в 1943 году, унес, по разным подсчетам, от 15 до 30 миллионов жизней (из 60 миллионов населения этого штата);
- великий голод, вызванный ошибками правительства Мао Цзэдуна в 1959–1961 годах, умиротворил до 36 миллионов китайцев [8].

Последний пример (как и голод в СССР в 1932–1933 годах) относится к процессам так называемой внутренней колонизации, когда освоение новых территорий происходит внутри государства силами его же правительства – то есть, одна часть населения страны выступает в качестве колонизатора по отношению к другой части.

Картины массовых смертей новейшего времени ужасают и заставляют усомниться в наличии хоть какого-то социального прогресса: ведь такие гекатомбы не снились ни Саргону Древнему, ни Иешуа Бен Нуну.

Но вот наступает последняя треть XX века, и вместо откровенного геноцида приходит идеологическое соперничество супердержав и вызванный им подъем кино, литературы, музыки, архитектуры. Могучий взлет творческой активности в пятидесятых – шестидесятых годах рождает целую систему трансляции образов из обоих центров bipolarного мира в соответствующие провинции. Культура условного «Запада» перенимается, осмысливается и распространяется странами европейского «синего банана»¹, Японией и Южной Кореей. Не менее условный

1. «Blue banana» – название для группы наиболее богатых стран Центральной Европы, от северных скандинавских стран, Голландии и Бельгии до Франции на юге

^ Рис. 6. Острая критика имеющейся системы образования нарастает в большинстве стран мира. Карикатура пакистанского дизайнера Rana Mujahid Ali появилась на сайте <https://www.deviantart.com/> еще в 2007 году и с тех пор непрерывно перепечатывается на самых разных языках

«Восток» транслирует свою культуру через посредников в Восточной Европе и в Азии. В каждом регионе, согласно епархиальному принципу, культура метрополии творчески дорабатывается и соединяется с локальными традициями, принося удивительные по разнообразию и богатству плоды.

К сожалению, эйфория продолжалась недолго. К концу семидесятых годов обе метрополии преисполнились самодовольства настолько, что епархиальный принцип начал стремительно деградировать, и все чаще приобретает черты колонизации. Уважение и интерес к провинциальным культурам все заметнее сменяются высокомерным и презрительным отношением. Провинции все больше рассматриваются в качестве колоний, «культурный вакуум» которых должен быть заполнен исключительно культурой метрополии. Иркутская школа архитектуры на своем непростом опыте ощутила эти процессы в виде нарастающего конфликта сибирского брутализма с указаниями и предписаниями, исходящими из центра [9].

3. Образование провинциальное и колониальное

Деградация епархиальной парадигмы до колониальных форм в наглядных образах и с большой художественной силой описана М. Е. Салтыковым-Щедриным в книге «Господа ташкентцы» [10]. По определению писателя, Ташкент в данном конкретном случае обозначает некую обобщенную страну, населенную баранами, которые всегда готовы к стрижке, примирились с ней как с неизбежностью и даже как бы научились получать от нее удовольствие. В эту «страну баранов» едут столичные «цивилизаторы», и великий сатирик показывает два основных типа, которые порождает колонизация. Один тип – невежественный, злобный и агрессивный садист, наслаждающийся своей властью над «баранами». Второй тип – изнеженный паразит, не приносящий никакой реальной пользы, самовлюбленный и нарциссичный. Оба типажа обладают мировосприятием, согласно которому принадлежность к передовой цивилизации уже ставит их в культурном отношении неизмеримо выше коренных жителей «Ташкента» (хотя вся их «культурность» сводится к узкому набору самых примитивных и убогих влечений). В процессе трансляции столичной культуры оба эти типа искажают ее до неузнаваемости. Приспосабливая

^ Рис. 7. Одичание «носителей высокой культуры» при деградации епархиальной парадигмы показано М. Е. Салтыковым-Щедриным проникновенно и точно. Иллюстрация к сказке «Дикий помещик», художник В. Коверзнева, 2016 г.

культуру метрополии к уровню восприятия «примитивных дикарей» (а на самом деле – к своим корыстным и примитивным нуждам), «господа ташкентцы» создают убогую пародию исходной культуры, насколько бы богата и разнообразна она ни была изначально.

Деградация культуры западной метрополии до самых примитивных форм произошла быстро и незаметно. Ситуация монополярного мира, которая возникла в девяностых годах, дополнительно ускорила этот процесс и привела к массовой трансляции предельно упрощенных форм консюмеризма. Культурная колонизация постсоветского и постсоциалистического пространства происходит в тех самых «ташкентских» формах, которые с гневом и горечью выведены великим сатириком.

Мы исследовали результаты консюмеризации молодежи в российской провинции на примере студентов одного из новосибирских вузов. Исследование проводилось с 2014 по 2019 гг., и в нем приняли участие 159 респондентов (23 юноши и 136 девушек в возрасте 19–22 лет) из числа студентов третьего курса психологического факультета НГПУ. Включение студентов-третьекурсников в состав исследовательской выборки обусловлено тем, что этот период именуется как «кризис третьего курса» и рассматривается как онтогенетически закономерный этап перехода к взрослости, для которого характерны экзистенциальные противоречия, связанные с рефлексией профессионально-личностного выбора (переосмыслением правильности выбора), переоценкой ценностей.

Исследование проводилось с использованием двух идеографических методик:

Методика 1. «Персональный перечень ценностей» (далее – ППЦ): студентам предлагалось обозначить (в столбик) то, что для них в настоящее время является наиболее значимым, ценным.

Методика 2. «Ранжирование ценностей» (далее – РЦ): респондентам зачитывался перечень 10 ценностей, которые им предлагалось проранжировать по степени значимости для себя (расположив их от самого значимого – 1, к наименее значимому – 10).

По Методике 1 «ППЦ» за период с 2014 по 2019 гг. (таблица 1) перечень обозначаемых студентами ценностей варьировался в диапазоне от 3 до 18. Максимальное ко-

личество персональных ценностей было зафиксировано в 2015 (среднее значение 10) и 2016 (среднее значение 9) годах.

Таблица 1. Показатели (в %) частоты обозначения ценностной категории по данным Методики «Персональный перечень ценностей»

количество респондентов	25	32	25	26	27	24
%	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Семья\родные	76	75	72	50	70	67
Образование\учеба	12	56	68	15	4	4
Друзья\дружба	68	62	64	31	11	8
Саморазвитие\личностный рост	36	28	56	27	0	4
Любовь	60	72	48	35	33	33
Здоровье	52	72	60	58	74	83
Карьера\труд\профессия	40	31	16	19	7	17
Родина	4	22	24	8	0	0
Животные	0	0	16	0	4	0
Спорт\хобби	72	50	12	19	0	8
Деньги\материальные блага\достаток	44	41	12	27	67	92
Вера	0	0	8	4	0	0
Реализация\удовлетворение потребностей	16	31	36	38	52	75
Жизнь	24	12	28	8	0	0
Юмор	0	0	4	0	11	0
Достоинство\благородство	4	6	24	4	0	0
Свобода	24	62	44	38	55	54
Справедливость\правда	8	6	20	4	0	0
Дети	4	6	4	0	0	0

Анализ эмпирических данных (табл. 1) свидетельствует, что ценности «семья/родные» и «здоровье» сохраняют приоритет на протяжении всего периода исследования. Нарастание значимости зафиксировано по ценностям «деньги\материальные блага\достаток» и «реализация потребностей». Значительное снижение показателей наблюдается по ценностям «образование», «друзья\дружба», «саморазвитие\личностный рост», «жизнь», что указывает на весьма неблагоприятную тенденцию в смысло-жизненных ориентациях современной молодежи.

Снижение отмечается по ценности «любовь». Данный факт свидетельствует, что решение одной из важнейших генетических задач юности, считающейся возрастом первой любви и возникновения интимных эмоциональных отношений между юношами и девушками, осуществляется весьма неконструктивно.

Фрагментарное указание категорий «дети», «вера», «животные» обусловлено наличием/отсутствием у отдельных студентов собственных детей, принадлежности к вероисповеданию, домашних питомцев.

Нарастание с незначительным пиком в 2016 году и последующим резким снижением (вплоть до полного отсутствия) выявлено по ценностям «достоинство\благородство», «Родина», «справедливость\правда». К 2019 году эти понятия превратились в пустые слова.

Нестабильность (скачкообразность) показателей обнаружена по категориям ценностей «свобода», «спорт\хобби», «карьера\труд\профессия». При этом значимость спортивно-досуговой и профессионально ориентированной деятельности в 2018 и 2019 годах снижается, опосредовано указывая на то, что психологическое будущее современными юношами представляется

чрезвычайно «размытым», не имеющим четкой перспективы. Вместе с тем ценность свободы в целом сохраняет свою актуальность. Отдельный и очень существенный вопрос, какой смысл вкладывали в это размытое понятие наши респонденты разных лет?

Выявлено, что иерархическая структура ценностей в динамике с 2014 по 2019 гг. претерпевает значительные изменения. Так, ценность «свобода» с 10-го пункта передвинулась на 5-е место, что может указывать на повышение потребности в автономии и стремлении к индивидуальности как следствия интериоризации западного культа самодостаточности, успешно насаждаемого в самосознание молодежи. На это указывает и динамика ценности «деньги\материальные блага\достаток», занимавшей в 2014 году 6-ю позицию, а в 2019 переместившейся на первое место, тогда как значимость категории «саморазвитие\личностный рост» с 8-го места отнесена на 10-е место.

Категория «образование» выступила одной из неустойчивых в перечне персональных ценностей (преобладающие доли выбора зафиксированы в 2015 и 2016 годах), значимость которой резко снизилась к 2019 году.

Заметим, что при нормальном развитии личности (по крайней мере, согласно традиционным понятиям о норме) юность – это период выбора жизненного пути и знаменателей системы ценностей [11; 12]. Но результаты опроса показывают, что никакого выбора у сегодняшней молодежи не осталось. Ценности примитивного консюмеризма – деньги и «свобода» как средство для удовлетворения текущих потребностей – лидируют абсолютным образом, не оставляя места для других вариантов.

Данные по Методике 2 «РЦ» за период с 2014 по 2019 гг. (таблица 2) по основным ценностям не противоречат результатам, полученным по Методике 1.

Таблица 2. Обобщенный профиль рангового распределения показателей значимости ценностей по методике «Ранжирование ценностей»

количество респондентов	25	32	25	26	27	24
Ценности\год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Любовь	2	1	1	2	6	6
Семья	1	2	2	1	2	4
Здоровье	3	3	4	3	1	1
Образование	4	5	5	7	8	8
Родина	8	8	8	10	9	10
Честь (достоинство)	9	9	7	9	10	9
Свобода	5	4	3	4	5	2
Власть	10	10	10	5	3	5
Деньги (материальный достаток)	7	7	9	6	4	3
Труд (профессия)	6	6	6	8	7	7

К 2019 году, как видно из рангового распределения данных, первые места уверенно занимают ценности «здоровье», «свобода» и «деньги». Эта триада группируется вокруг все тех же потребительских ценностей, потому что и здоровье, и свобода, и деньги понимаются как средства к неограниченному росту возможностей потребления. Здесь имеется в виду в первую очередь количественный рост – здоровый человек способен больше съесть и выпить, чаще заниматься сексом, ездить на модные курорты и так далее. Свобода, в первую очередь, понимается как необязательность моральных и социальных запретов и ограничений – возможность потребления без оглядки на закон и нравственность.

Подобные установки, очевидно, выглядят чрезвычайно примитивными по сравнению с развитыми формами гедонизма, идущего от киренаиков и Эпикура, идеологов

в Рис. 8. Печальная ситуация в архитектурном образовании.

Постер студии ZAP Architecture с конкурса, проведенного интернет-журналом ARCH20. Комментарий гласит: «Извилистый путь архитектурного образования ведет студента в коварное и вдохновляющее путешествие только для того, чтобы рухнуть в море долгов и потенциальной безработицы»

Ренессанса, Бентама, до Жюль Липовецки и Мишеля Онфре [13]. Здесь сложное и тонкое искусство наслаждения всеми аспектами жизни подменяется предельно упрощенным стремлением – любыми способами как можно больше получить и потратить. В самом общем виде такая система ценностей сводится к одной цели: как можно больше ценных ресурсов превратить в отходы.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что культурная колонизация российской молодежи протекает эффективно. Место богатой и разнообразной, полиэтничной и многоукладной отечественной провинциальной культуры уже опустело, и образовавшийся культурный вакуум быстро заполняется деградированными формами культуры колонизаторов.

Заключение. Колонизационный бумеранг

Примерно три десятилетия, от девяностых годов прошлого века до середины десятых годов нынешнего, мир существовал в уникальном монополярном состоянии.

Культура единственной оставшейся супердержавы соотносилась с прочим миром, как с культурной провинцией. Никто особенно и не сомневался, что все действительно передовое и современное исходит из метрополии. Самая передовая наука – это та, за которую американские ученые получают Нобелевские премии. Передовые технологии олицетворяет Илон Маск. Современная литература – англоязычная, музыка – афроамериканская, кинематограф – голливудский, живопись – в музее Гуггенхайма. Никакая архитектурная теория не будет современной, если она не опирается на примеры Нью-Йорка или хотя бы Лос-Анджелеса, и высшая премия за достижения в практической архитектуре вручается от имени благотворительного фонда чикагских отельеров. Каждый из этих фактов вроде бы ничего особенного не означает, но все вместе они складываются в систему вполне колониального смысла.

Одновременно происходит системное разложение и извращение смыслов и лозунгов «культуры метропо-

лии». Демократические социальные институты подвергаются коррупции, системы массовой информации становятся все более лживыми и продажными, искусство, наука, медицина и образование превращаются в средства для рыночных игр, экономика сосредотачивается на обслуживании одного процента супербогатых, да и сами эти властно-денежные элиты все более замыкаются и вырождаются в своем узком закрытом кругу. Именно эта, упрощенная уже до дебилизма, культура транслируется в глобальные провинции (которые все больше приобретают черты колоний). А затем процесс поворачивается в обратную сторону, и «культура для дикарей» транслируется в метрополию. «Цивилизаторы» обоих типов (по Салтыкову-Щедрину) возвращаются из «страны баранов» в свои столичные города и привозят привычное презрение к высокой и сложной культуре, уверенность в своем культурном превосходстве и свое безграничное самодовольство. Теперь они приступают к колонизации метрополии в присущем им стиле Бивиса и Баттхеда.

Эффект «имперского бумеранга» подробно рассмотрен в трудах Ханны Арендт [14]. Сегодня ее тексты выглядят раздражающе идеологизированными, они проникнуты таким неистовым антисоветизмом, что зачастую теряют научную объективность. Но суть явления в этих книгах вскрыта точно. В новом веке они получают новую и неожиданную актуальность. На примере образования отчетливо видно, как дикарская культура «ташкентцев» возвращается в метрополию и разрушает ее изнутри. Аналитические документы показывают, как сильно раслоилась система образования на привилегированное меньшинство и всех прочих, кому качественное образование недоступно [15]. Аналитики по привычке связывают качество образования с уровнем доходов семьи или страны, но факты показывают иное: наиболее катастрофические процессы деградации происходят именно в странах, подвергшихся культурной колонизации (включая Россию). С большой тревогой обсуждается деградация образования в США [16]. Страны и регионы, сохранившие культурную автономию (в первую очередь – Китай, Вьетнам и некоторые другие державы Юго-Восточной Азии) демонстрируют в образовании большие успехи.

Деградация поразила и архитектурное образование, причем в этой сфере «имперский бумеранг» ударил особенно сильно [17]. Среди тяжелых и растущих проблем подготовки следующего поколения зодчих называют неадекватно раздутую стоимость образования («Первое правило архитектуры – надо родиться богатым, а второе, если первое не получится, жениться на богатых», согласно хлесткому выражению Филиппа Джонсона). С тревогой пишут о разрыве между академической теорией и практикой архитектуры; очевидно, что эти аспекты обучения должны быть объединены, но как? Интернет и дигитальные технологии формируют новые вызовы и новые возможности для развития профессии, но методики преподавания во многом остаются средневековыми. Западная школа архитектуры еще удерживает лидерские позиции в мире, но надолго ли хватит этой инерции, учитывая стремительное развитие азиатских школ?

Ясно одно: дальнейшие приключения глобальной культуры (в том числе архитектуры) в новом тысячелетии должны происходить в ключе епархиальном, провинциальном, но никак не колониальном. Провинции, но не колонии!

Литература

1. Дефо, Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо. – Москва: Восточная литература, 1995. – 272 с.
2. Геродот. История. В девяти книгах/пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Ленинград: Наука, 1972. – Книга V. – 600 с.

3. Поляков, Е. Н., Красовский, А. В. Внутреннее пространство древнегреческого усадебного дома V–I вв. до н. э. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2017. – № 3 (62). – С. 9–24
4. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России/авториз. пер. с англ. В. Макарова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
5. Хаусхофер, К. О геополитике. – Москва: Мысль, 2001. – 426 с.
6. Головин, А. В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2015. – 592 с.
7. Саид, Э. В. Культура и империализм. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012. – 735 с.
8. Ó Gráda C. Eating People Is Wrong, and Other Essays on Famine, Its Past, and Its Future. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2012, 248 p.
9. Иркутская (павловская) школа // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 73–108
10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Господа ташкентцы // Собр. соч. в 20 томах. – Москва: Художественная литература, 1970. – Т. 10. – С. 7–271
11. Белобрыкина, О. А. Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками. Часть II: Результаты эмпирического исследования // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2019. – Том 4. – № 3 (15). – С. 158–192
12. Лидин, К. Завтра началось вчера // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 38–42
13. Onfrey, M., & McClellan, J. A Hedonist Manifesto: The Power to Exist. NY: Columbia University Press, 2015. 232 p.
14. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
15. Hussar B., Zhang J., Hein S., Wang K., Roberts A., Cui J., Smith M., Bullock Mann F., Barmer A., and Dilig R. (2020). The Condition of Education 2020 (NCES 2020–144). U. S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics.
16. UNESCO. 2020. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and education: All means all. Paris, UNESCO. 436 p.
17. Thompson J. Becoming an Architect: Narratives of Architectural Education. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington, 2016. 359 p.

References

- Arendt, H. (1996). Istoki totalitarizma [The origins of totalitarianism]. Moscow: TsentrKom.
- Belobrykina, O. A. (2019). Differentsialnye deskriptory subyektivnogo perezhivaniya odinochestva podrostkami. Chast II. Rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Differential descriptors of teenagers' subjective feelings of loneliness. Part II. Results of an empirical study]. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya. Vol. 4, 3(15), 158-192.
- Defoe, D. (1995). Dalneishie priklyucheniya Robinzona Kruzo [The further adventures of Robinson Crusoe]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Etkind, A. (2011). Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge, UK: Polity Press.
- Golovnyev, A. V. (2015). Fenomen kolonizatsii [Colonization phenomenon]. Yekaterinburg: Izd-vo UrO RAN.
- Haushofer, K. (2001). O geopolitike [On the geopolitics]. Moscow: Mysl.
- Herodotus (1972). Isoriya [History]. In nine books (G. A. Stratanovsky, Trans.). Book V. Leningrad: Nauka.
- Hussar, B., Zhang, J., Hein, S., Wang, K., Roberts, A., Cui, J., Smith, M., Bullock, Mann F., Barmer, A., & Dilig, R. (2020). The Condition of Education 2020 (NCES 2020-144). U.S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics.
- Irkutsk (Pavlov) school. (2020). Project Baikal, 17(64), 73-108.
- Lidin, K. (2014). Tomorrow began yesterday. Project Baikal, 1(39-40), 38-42. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.648
- Onfrey, M., & McClellan, J. A. (2015). Hedonist Manifesto: The Power to Exist. NY: Columbia University Press.
- Ó Gráda, C. (2012). Eating People Is Wrong, and Other Essays on Famine, Its Past, and Its Future. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Polyakov, E. N., & Krasovskii, A. V. (2017). Vnutrennee prostranstvo drevnegrecheskogo usadbnogo doma V-I vv. do n.e. [Inner space of the ancient Greek manor house in the 5th-1st centuries BC]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 3(62), 9-24.
- Said, E.W. (1993). Culture and Imperialism. London: Random House.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1970). Gospoda tashkentcy [The Tashkenters clique]. In The collected works in 20 vols (Vol. 10, pp. 7-271).
- Thompson, J. (2016). Becoming an Architect: Narratives of Architectural Education. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington.
- UNESCO (2020). Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and education: All means all. Paris: UNESCO.